

*Валентина КОСТЯГИНА, старший научный сотрудник отдела фондов
ОГАУК «Ленинский мемориал».*

ХУДОЖНИК И ЕГО ВРЕМЯ

Среди многих сотен писем, адресованных Дмитрию Ивановичу Архангельскому его бывшими учениками, старожилами родного города, краеведами, военными и библиотечными работниками, архивистами, известными искусствоведами, художниками и деятелями других видов искусства, хранящихся в настоящее время в ульяновском музее-мемориале В.И. Ленина, – письмо от дирижёра Свердловского государственного академического театра оперы и балета им. А.В. Луначарского, заслуженного артиста Казахской ССР Манаева Евгения Васильевича, датированное 8 июня 1973 года.

«Милый Дмитрий Иванович!

Встречи с Вами, происходившие в 1933–1934 годах в г. Ульяновске у Вас дома, оставили у меня воспоминания, которые принято называть неизгладимыми. Пишет Вам человек, постоянно вспоминающий о Вас и Вашей деятельности как художника. Прошло достаточно времени, чтобы могли отделиться впечатления и привязанности случайного порядка от впечатлений и привязанностей прочных, твёрдых по уровню веры в то, во что веришь.

Поэтому-то и пишется это письмо. Мне сейчас 63 года, из которых я начиная с 1931 года уже 42 года работаю в качестве оперного дирижёра. В 1931 году я по окончании музыкального образования поступил на работу в Средне-Волжскую передвижную оперу в качестве пианиста-концертмейстера-дирижёра. Эта передвижная опера периодически наезжала с гастролями в Ваш город – Ульяновск.

В один из приездов в Ульяновск в 1933 г. нашей оперы оперная молодёжь (певцы) сообщила, что в городе есть великолепный «певец Волги», акварелист Архангельский, что к нему собираются идти наши ребята в ближайшие дни. Я, конечно, примкнул к компании, т.к. родившись на море (Владивосток), выросши в Хабаровске (Амур), я бесконечно искал секрет цвета поверхности воды на реке в условиях разного светового освещения <...>

Искал не для того, чтобы стать художником (я с детства музыкант, и музыка прошла через мою жизнь главным фарватером), а для того, чтобы понять, почему через каждые две-три минуты

вечернего освещения при начинающемся закате солнца так бесконечно разнообразно меняется комбинация и интенсивность цвета волн на поверхности воды. Как схватить в мозгу секундное впечатление и передать на картине красками?

<...> И в Ульяновске, катаясь вечерами по Волге на лодке, любуюсь бесконечно изменчивой колористической игрой цвета волн, волночек, речной глади, «стекла» застывшей в неподвижности воды, я всегда возвращался немного не в себе от обилия цветовых впечатлений, от богатства и щедрости природы, от красоты волжской водной поверхности.

Наша компания пришла к Вам. Вы были так любезны и добры, что вместо отдыха посвятили нам своё послеобеденное время, вынули из своего «святой святых» одну из стопок великолепных акварелей, единственной героиней которых была Волга. И тут-то начался ПИР для меня и, конечно, для моих товарищей, смотревших Ваши акварели. Перечислить всё, что я видел, невозможно, ибо картины были одна лучше другой. Ещё тогда я сказал себе: «Как хорошо, что на свете есть такие люди, как Дмитрий Иванович, как это важно, нужно, необходимо для всех людей». Какое счастье, что я встретился с Вами и Вашим творчеством!»

Потом мы проектировали эскизы и макет оформления оперы «Чио-Чио-Сан». Вы это делали и показывали нам. Жаль, что это не было реализовано нашим театром из-за недостаточного фонда дотаций. Однако такой творческий контакт на всю мою жизнь отложил неизгладимый след от встречи с Вами, Дмитрий Иванович! <...>

За долгую театральную жизнь я объехал массу городов (гастроли театра), много повидал, но Ваше творчество идёт у меня под номером ПЕРВЫМ. Хотелось бы ещё хоть раз полюбоваться на Ваши акварели и воскресить прошлые незабываемые времена в памяти».

Это письмо Е.В. Манаева помогло наконец-то выстроить целостную картину из отдельных разрозненных и, казалось бы, не связанных между собой сведений, содержащихся в материалах архива Д.И. Архангельского, полученных в разное время от внучки художника Натальи Андреевны Мешалкиной, и привлечённых дополнительных источников.

Постановлением ЦИК и СНК РСФСР от 14 мая 1928 года вместо упразднённых Пензенской, Ульяновской, Самарской, Оренбургской губерний была образована Средневожская область с центром в Самаре. В марте 1931 г. Ульяновский городской театр из ведения горсовета был передан Средневожскому краевому управлению зрелищных мероприятий, которым в 1930-е годы был реализован масштабный проект. Уроженец Пензенской губернии, выпускник Московской консерватории **Фёдор Петрович Вазерский** (1887–1970) – музыкант, актёр, педагог основал Государственный передвижной театр оперы и балета Средневожского края. Передвижная труппа просуществовала до 1937 года и внесла неоценимый вклад в становление и развитие оперного и музыкально-драматического искусства страны.

В сентябре 1931 года, мае-июне 1932-го, сентябре-октябре 1933-го, августе-сентябре 1934 года

театр гастролировал в Ульяновске. В его репертуаре было 28 опер русской и зарубежной классики и три балета: «Лебединое озеро» П.И. Чайковского, «Красный мак» Р.М. Глиэра, «Коппелия» Л. Делиба.

Гастроли широко освещались ульяновской газетой «Пролетарский путь». В одном из номеров газеты обозреватель Инк отмечал: «Оркестр качественно крепок и особенно хорош при дирижировании Ф.П. Вазерского. Коллектив певцов, как обычно, разнороден, но в качестве цемента обладает недурной сыгранностью. Наиболее ровны в труппе тенора (Гусаров, Петров). Особняком стоит артистка Морозова. По лиричности, по технике, по чистоте, по тому, как распоряжается им артистка, это недюжинный голос. Басовые ампулы неровны. Голос Раева обработан и монументален. Заворыкин не всегда даёт высокие показатели, но в Мефистофеле спел немало удачных арий».

5 сентября 1933 года газета сообщила об открытии с 12 сентября очередных гастролей «Краевого передвижного театра оперы и балета в составе 100 человек. <...> Для прибывающих артистов необходимы комнаты, просьба сдавать адреса в контору театра».

Ввиду запаздывания труппы открытие сезона несколько раз переносилось, и, наконец, 18 сентября в газете появилось объявление: «Госдрамтеатр. Состав оперы-балета прибыл. Открытие сезона – 22 сентября. Взятые билеты действительны согласно ранее объявленному репертуару».

Так в гостеприимном доме Архангельских на Шатальной улице (ныне ул. Корюкина) и появились артисты, о чём вспоминает в своём письме Манаев Е.В.

Калмыков С.И. Портрет Д.И. Архангельского. 8 октября 1933 г.

А сам Д.И. Архангельский позднее сообщал докторам, обучающимся в Москве: <...> Вот ещё новости. Приехали артисты из оперы и два дня подряд были у меня. Этюды мои их сводят с ума. Они помнят из прошлого года: что на них, в какой папке они лежат. Калмыков <...> пишет теперь заумный роман. На первой странице поместил мой очерк о нём. Оказывается, он посылал его в Москву и Ленинград и получил блестящий отзыв. Он горд. Много говорит о том, как он пишет декорации. Он пишет их или искусно, или очень грубо. Так вот концертмейстер [Михаил Е.В. – В.К.] мечтает, чтобы я писал у них. Я сказал, что я не спец, а вот попробовать сделать кино – это можно».

В архиве Архангельского сохранился текст его очерка о художнике **Сергее Ивановиче Калмыкове**, который в начале 1930-х годов создавал декорации для передвижной оперы Фёдора Вазерского, делал эскизы костюмов и афиши Оренбургского театра и цирка.

Калмыков С.И. В мастерской. Оренбург, 1933 г.

Дмитрий Архангельский Сергей Калмыков

Сергей Калмыков – художник-философ, художник-изобретатель, строитель (в идее), фантаст, автор многочисленных фолиантов, дневников, жизнеописаний, неотправленных писем, посвящений, афоризмов, сарказмов и лирики.

В сущности, у него всё просто: прежде всего он эстет. Везде: в композиции, в афоризме, теории, портрете он сам беспокойный, устремлённый, злой, всегда один в своих исканиях (он находит сходство в себе со многими, но тут же перескакивает через них и дальше – и снова один), всегда новый. Ищет себя в природе, в математических сцеплениях точек, линий и туманностей. В астрономических звёздных сочетаниях он ищет оправдание своим фантазиям.

У Сергея Калмыкова – две оси (теории). Первая теория – для изобразительного искусства: расчёт, порядок и случай.

Три несовместимых элемента. Три случайных спутника. Этой теорией С. Калмыков окутал себя как кружевной листвой густого леса, в которую проникает и дробится на тысячу осколков солнечный горячий луч. Сквозь кружево точек, линий, туманностей, чаши и капителей у Калмыкова Сергея

проникает натура: природа, город, человек, животное, цветы.

Вторая ось – литературная. В писаниях простых, льющихся неудержимо, естественно и понятно, в гуще обыденнейших заметок, повседневных записях забот, тревог и огорчений развёртывается богатейший калейдоскоп переживаний, выдумки, многочисленных и неожиданных теорий, лирики, писем, острых наблюдений над приятелями, окружающими и случайными стариннейшими встречными художниками и учёными, с которыми он обращается, как с живыми, как со старшими своими современниками.

Калмыков С.И. Антиподист. Из серии ЦИРК. 1926 г.

Любимая принятая форма работы у Сергея Калмыкова (художника) – сюита. Он любит исследовать. В своих листах С. Калмыков с анатомической точностью, с любовью, со множеством задач на будущее разбирает сюжет. И сюжетов очень немного: массив земли, массив города, в городе силуэт цирка (прежде всего цирка), случайная эстрада, остатки отшумевшего народного творчества, пятно лавчонки на фоне ажурного ж.д. моста, проволочные нервы города. Сергей Калмыков любит солнце, землю и воздух.

Но солнце у него за сеткой его навязчивых точек, линий и туманностей. Свет на его картинах рассеянный, серебристый, скупой, неяркий.

Земля у С.К. густо заселена, застроена, полна, богата, и следит за ней острый и неутомимый наблюдатель С. Калмыков.

И воздух в творениях художника не чистый: лесной, приречный, а чадный, городской, заселённый туманами и звуками, окутанный испарениями и пылью. И как следствие всего, как седина от прожитых долгих лет, как привычные движения человека – ТЕХНИКА С. Калмыкова: линия и мазок в движении, вибрации, форма – в недосказанности, цвета в строгих сочетаниях, композиция – в заумных вариантах.

С. Калмыков осенью 1933 г. был в Ульяновске с оперой.

Ценность этого очерка – в удивительно точных, порой провидческих оценках творчества художника С.И. Калмыкова.

Кроме текста очерка – сохранились фотографии С. Калмыкова и несколько его рисунков. Интересен рисунок, выполненный в Ульяновске

С. Калмыков. Ульяновск. Развалины Николаевского кафедрального собора на пл. 1 Мая (с 1940 г. – пл. Ленина) 2 октября 1933 г.

2 октября 1933 года, на котором изображены развалины Николаевского кафедрального собора. А 8 октября Сергей Иванович сделал карандашный набросок портрета Д.И. Архангельского размером 25x17 см.

Эти и другие материалы дают основание предположить, что дружеские отношения связывали двух художников на протяжении длительного времени, и не исключено, что Калмыков квартировал в доме Архангельских во время гастролей.

С.И. Калмыкову суждено было прожить плодотворную творческую жизнь, оставив потомкам множество таинственных картин и не менее загадочных рисунков.

Сергей Иванович Калмыков родился 6 октября 1891 года в Самарканде, откуда вскоре после его рождения семья переехала в Оренбург. После окончания оренбургской гимназии жил в Москве, где посещал студию К.Ф. Юона.

В конце 1910 года переехал в Санкт-Петербург, где стал учеником М.В. Добужинского и К.С. Петрова-Водкина. В 1911 году двадцатилетний Калмыков написал картину, изображавшую красных коней на воде, которая вдохновила Петрова-Водкина на создание в 1912 году его знаменитого полотна «Купание красного коня», ставшего вместе с «Чёрным квадратом» Малевича символом русского авангарда. Калмыков утверждал, что был натурщиком картины: «На красном коне наш милейший Кузьма Сергеевич изобразил меня. Да! В образе томного юноши на этом знамени изображён я собственной персоной».

К. Петров-Водкин. Купание красного коня

В 1926 году Калмыков возвратился в Оренбург, где работал декоратором, оформителем парадов и демонстраций, читал лекции, продолжал писать свои работы, был членом оренбургского отделения Ассоциации художников революционной России, активным участником художественных выставок. Его живописные, графические, скульптурные работы привлекали внимание общественности. Сохранился каталог 4-й выставки картин оренбургских художников, посвящённой XV годовщине Октября.

которой экспонировалось 42 работы С.И. Калмыкова. Им же была оформлена обложка каталога. Он участвовал в оформлении спектаклей Оренбургского театра и цирка, в разработке эскизов театральных костюмов и афиш, много ездил со Средневолжской оперой как главный художник и решил связать свою творческую жизнь с театром.

Каталог 4-й выставки картин оренбургских художников. Оренбург, 1932 г.

В 1935 году, когда усилилась цензура и прошёл чистки в рядах интеллигенции, Калмыков уехал в Алма-Ату по приглашению Музыкального театра, ставшего позднее Казахским национальным театром оперы и балеты имени Абая, на должность художника-постановщика. Он проработал в этом театре до выхода на пенсию в 1962 году и создал большое количество иллюстраций к постановкам и театральных декораций, которые превращали представление в необыкновенное по яркости зрелище.

Наряду с этим он занимался живописью и графикой. Блистательный рисовальщик, Калмыков создал за годы жизни 30 автопортретов, последний – за два месяца до смерти. Он выработал свой собственный стиль, радикально отличавшийся от норм социалистического реализма, господствующих в ту пору в СССР.

Критики определяют дуализм [двойственность, раздвоенность – В.К.] как ключевую характеристику его творчества. С одной стороны, это фантастические ландшафты, с другой – зарисовки спектаклей, городов, портретов. «Его произведения резко контрастировали с общей картиной советского искусства XX века, являя собой многоликость решений, в отличие от единого заданного стиля тех лет. Личность, индивидуум, мировоззрение Творца – основные мотивы поиска и самовыражения

художника. Любая работа Калмыкова – не просто итог раздумий, скорее, сам процесс размышления, становления чувств», – пишет искусствовед Светлана Кобжанова.

Противоречивая и гениальная фигура Калмыкова уже при его жизни была окутана легендами. Чтобы выжить и не попасть под каток репрессий, он играл роль городского сумасшедшего, хотя никогда не проходил лечение в психиатрических больницах и не имел какого-либо психиатрического диагноза. «Нет, я не безумец. Я вижу особые миры. Мне раскрыты тайны живой природы. Я слышу, как растёт трава. Я живу среди удивлённых звёзд мироздания», – писал Калмыков в своём дневнике. Он утверждал, что, преодолевая время и пространство, способен общаться с представителями иных цивилизаций. «Магистр цветной геометрии, гроссмейстер волнистых линий, гений первого ранга Земли и Галактики, великий костюмер», – так величал себя Сергей Калмыков.

Художник Калмыков Сергей Иванович. Ульяновск, начало 1930-х гг

Часто, особенно после выхода на пенсию, Калмыков рисовал на улицах и в парках города. «Никто больше меня не любит рисовать на улице. В этом моя сила! <...> Здесь нет мне равного!», – говорил он.

Юрий Осипович Домбровский, российский писатель, отбывший 4 года в сталинских лагерях и живший долгие годы в ссылке в Алма-Ате, описал Сергея Калмыкова в своём романе «Факультет ненужных вещей». (Москва: Худож. лит., 1989. – 510 с.)

«Когда художник появлялся на улице, вокруг него происходило лёгкое замешательство. Движение затормаживалось. Люди останавливались и смотрели. Мимо них проплывало что-то совершенно необычное: что-то красное, жёлтое, зелёное, синее – всё в лампасах, махрах и лентах. Калмыков сам конструировал свои одеяния и следил, чтоб они были совершенно ни на что не похожи. У него на этот счёт была своя теория. «Вот представьте-ка себе, – объяснял он: – из глубины вселенной смотрят миллионы глаз, и что они видят? Ползёт и ползёт по земле какая-то скучная одноцветная серая масса, и вдруг как выстрел – яркое красочное пятно! Это я вышел на улицу».

И сейчас он тоже был одет не для людей, а для галактики. На голове его лежал плоский и какой-то стремительный берет, на худых плечах висел голубой плащ с финтифлюшками, а из-под него сверкало что-то невероятно яркое и отчаянное – жёлтое-сиреневое. Художник работал.

Он бросал на полотно один мазок, другой, третий – всё это небрежно, походя, играя, – затем отходил в сторону, резко опуская кисть долу, – толпа шарахалась, художник примеривался, приглядывался и вдруг выбрасывал руку – раз! – и на полотно падал чёрный жирный мазок. Он прилипал где-то внизу, косо, коряво, будто совсем не у места, но потом были ещё мазки и ещё несколько ударов и касаний кисти, то есть пятен – жёлтых, зелёных, синих – и вот уже на полотне из цветного тумана начинало что-то прорезываться, сгущаться, показываться. И появлялся кусок базара: пыль, зной, песок, накалённый до белого звучания, и телега, нагруженная арбузами. Солнце размыло очертания, обесцветило краски и стесало формы. Телега струится, дрожит, расплывается в этом раскалённом воздухе.

Художник творит, а люди смотрят и оценивают».

Сергей Калмыков был удивительно работоспособен и работал постоянно.

На одной из страниц своего романа Ю. Домбровский отмечает: «День и ночь он писал, и всё не для современников, а для будущих поколений, двадцать первый век ему был уже ни к чему, он работал для двадцать второго. Для этих отдалённых потомков и были написаны его грандиозные циклы, сотни листов и холстов каждый». И далее: «Так, зазря, не обдумав, художник Калмыков ничего не творил, во всех его набросках есть свой смысл, своя идея, только доискаться до них порой не так

уж просто. Что поделатъ, ведь существуют же такие странные, ничем не управляемые вещи, как мечты фантазии и просто своё видение мира».

Калмыков не продавал свои работы, иногда дарил приятным ему людям. Бытовая нищета шла за ним по пятам, он знал, что такое недоедание, голод, но приоритеты духовные были для него выше телесных.

«Мир болен. И нет ничего удивительного в том, что только художники могут привести мир к спасению», – утверждал С. Калмыков.

Своей жизнью он ответил на вопрос, как быть независимым и свободным в несвободном мире: «Я отключился от ненужного».

Умер Сергей Иванович Калмыков 27 апреля 1967 года. Место его захоронения неизвестно.

Он оставил после себя огромное творческое наследие. В Государственном музее искусств имени А. Кастеева в Алма-Ате находятся более 1100 работ. В 2017 г. музей выпустил полный каталог его работ. Его произведения хранятся в коллекциях Государственного Русского музея, Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве. Оренбургский областной музей изобразительных искусств обладает большим собранием живописи и графики художника. Значительное число работ – в частных коллекциях, как в Казахстане, так и в России, США, Европе.

Гордостью Центрального государственного архива Республики Казахстан является фонд С.И. Калмыкова, насчитывающий около 10 тысяч страниц рукописей. Это эссе и искусствоведческие сочинения, философские рассуждения и романы. Многочисленные дневники помогают восстановить историю жизни Сергея Ивановича Калмыкова, творчество которого не имеет прямых аналогов в истории мирового искусства.

На долгое время он был несправедливо забыт, но сегодня интерес к его личности и творчеству вспыхнул с новой силой. Проводятся выставки, издаются альбомы. В Республике Казахстан выпущены почтовая марка и коллекционная монета с изображением работ Калмыкова, издаётся его литературное наследие.

В своё время Сергей Иванович Калмыков справедливо заметил: «Жизнь протекает. Искусство кристаллизуется. Жизнь мгновенна – вот она! И вот её уже нет! Искусство – вечно, столетия, тысячелетия сверкает своими Созвездиями!»

